

либо как переходные. В зависимости от первоначального значения глаголов, от их переходности или непереходности, от совпадения или несовпадения субъекта инфинитива с субъектом основного глагола инфинитивные конструкции с такими глаголами могли образоваться по правилам, выявленным в I томе. Принимаются во внимание также изменение членения, действие аналогии, возможность контактиации и влияние соседних индосистемных языков.

В разделе о приемном инфинитиве (т. II, стр. 154—185) имеются некоторые спорные положения. Так, инфинитив, выступающий при абстрактном существительном (например, в предложениях типа *minin on pakko mennä* «мне необходимо идти»), автор всегда считает определенным. Эта традиционная точка зрения, унаследованная от Э. Н. Сетяля, представляется сейчас устаревшей. Глаголы *olla* и некоторые абстрактные существительные образуют в таких предложениях нерасчленимую предикативную конструкцию типа *on pakko* «необходимо», *on määrää* «нужно, следует», *on tarkoitus* «нужно», *on aika* «пора», *on velvollisuus* «должно», по значению и синтаксическим свойствам равную безличным глаголам *pidää, täytyy, tulee, sopii*. Инфинитив относится к этой конструкции в целом и вместе с ней образует сложное сказуемое безличного предложения, одним из признаков которого является субъектный генитив.

Независимое употребление инфинитива (т. I, стр. 186—194) для прибалтийско-финских языков нехарактерно. В конструкциях типа *mitä tehdä* «что делать» П. Саукконен справедливо видит влияние русского языка, богатого разнообразными инфинитивными предложениями.

Одним из достоинств рецензируемой книги является то, что при изучении истории инфинитивных конструкций принимаются во внимание не только исконные прибалтийско-финские факторы, но

и влияние соседних индосистемных языков, в том числе — русского. Эта сторона книги тем интереснее, что влияние русского языка на синтаксис финно-угорских языков подробно не изучено², хотя известно, что карельский, венский и водский языки испытывали и продолжают испытывать сильное русское влияние, которое в значительной степени распространилось и на восточнофинские диалекты. П. Саукконен справедливо отмечает влияние русского языка на формирование и интенсивность употребления ряда инфинитивных конструкций прибалтийско-финских языков, например: *ei ole mitä syöä* «ничего есть», *työ on tehdä* «работу нужно выполнить», *minua (minulle) halutti sanoa* «мне хотелось сказать», *mitä tehdä* «что делать». Имеются и такие факты русского влияния, которые в книге не отмечены или отмечены недостаточно четко. Так, образование безличной конструкции *ei maksaa (meidän) ostaa* (т. II, стр. 124), имеющей распространение в карельском и венском языках и в восточнофинских диалектах, правильнее было бы объяснить влиянием русской конструкции *нам не стоит покупать*, чем влиянием соответствующих немецкой и шведской конструкций. Более определенно можно было бы говорить о влиянии русского языка на развитие конструкции с дательным генитивом типа *anna hänen mennä* «позволь ему уйти». В приводимом русском материале встречаются отдельные неточности (см., например, т. I, стр. 39, 94, 156—158).

В целом книга П. Саукконена является важной вехой в изучении сложного вопроса о происхождении инфинитивных конструкций прибалтийско-финских языков.

² E. I t k o n e n, *Kieli ja sen tutkimus*, Helsinki, 1966, стр. 331.

З. М. Дубровина

«Этнонимы», отв. ред. В. А. Никонов.—М., изд-во «Наука», 1970. 270 стр.

В предисловии к рецензируемому сборнику говорится, что изучение этнонимов важно для различных наук, что этнонимы содержат элементы, ценные как исторические свидетельства, и так далее. Все это верно. Но это еще не объясняет в полной мере ту исключительно большую ценность, которую представляет для исследователей этноса появление работ, подобных рецензируемому сборнику.

Изучение этнонимов — область знания, лежащая на стыке лингвистики и этнографии. Думается, что наше время — это время интенсивных поисков, усиленного освоения этнографией новых мето-

дов, и контакты с лингвистикой здесь особенно плодотворны. Уже начинает давать свои плоды усвоение этнографией структурных методов, первоначально разработанных в языкознании. Делаются плодотворные попытки освоения методов, подобных лексикостатистическим. Что касается этнонимов, то здесь речь идет не о переносе метода, а о синтетическом, этнографо-лингвистическом характере самого исследования.

Самоназвание и название как выражение самосознания или стереотипизированного сознания со стороны есть один из важнейших внешних признаков лю-

бой этнической целостности. Изучение этнонимов, закономерности их возникновения, развития и исчезновения, границ их распространения, сфер употребления неотделимо от изучения самих этносов и помогает понять, определить, классифицировать те сложнейшие многоярусные процессы, которые в своей совокупности определяют этногенез и этническую историю любого человеческого массива. В этой важнейшей области этнографических исследований важность этнонимики трудно переоценить.

Бессспорно, что этноним и его объект — не одно и то же. Однако в каждый данный момент между ними есть определенное соответствие. Далее, представляется, что и смена этнонимов не может произойти без определенных изменений в самом этносе.

Поэтому не вполне точным кажется утверждение В. А. Никонова: «если обозначить этнонимы буквами, а их объекты цифрами, то этноним А мог обозначать последовательно объекты I, II, III, а объект I мог обозначаться на разных отрезках времени этнонимами А, Б, В» (стр. 11). Если первая часть суждения вполне справедлива (в русской литературе XVIII в. слово *американцы* обозначало индейцев Америки, в более же позднее время — нацию США, в которую индейцы обычно не включаются), то вторая нуждается в уточнении: как правило, объект I, меняя названия, сам при этом хотя бы частично изменялся. Скажем, огузы, сельджуки, османы, турки — это не одно и то же, но Ia, Ib, Iv...

Наибольшее теоретическое значение, на мой взгляд, в сборнике имеют статьи В. А. Никонова об общих проблемах этнонимики, М. В. Крюкова о проблеме корреляции этнос/этноним и М. А. Членова о проблеме этнонимической классификации. Остановимся подробнее на последней проблеме, так как она затронута и в других статьях. В. А. Никонов ставит вопрос: где отличие этнонимов от не-этнонимов? Он поддерживает предложение Е. В. Ухмылиной ввести для названий жителей термин «микротэнонимы». В принципе *этноним* это слово, обозначающее этническую общность. Но этноним ли *бельгийцы* (т. е. и валлоны, и фламандцы)? Или *суданцы* (и суданские арабы, и нилоты, и многие другие)? Обозначает ли этническую общность название *сибиряки, пензенцы, челдонцы*?

Рецензенту совместно с Н. Н. Чебоксаровым уже не раз приходилось выражать в печати мнение, что основной механизм поддержания существования этноса состоит в постоянном потоке синхронной и диахронной информации между его членами. Именно здесь ключ и к пониманию решающей роли языкового единства в существовании этноса, и к пониманию отдельных случаев несовпадения этноса и языка. Коль скоро до-

стигнут определенный уровень интенсивности, то коммуникативные связи неизбежно ведут к установлению этнических связей. Совершенно ясно, что в сложный комплекс языкового бытия входят на разных иерархических уровнях и специфический язык индивида (с индивидуальными речениями, словами, оборотами), и язык данной семьи, и жаргон профессиональной группировки, и узко местный пагуба или говор, и диалект, и просторечье, и наконец, национальный литературный язык со всеми его стилистическими вариантами. Но и бытие большого этноса, этого мощного узла разнородных коммуникаций, складывается из территориальных и локальных групп, населения городов, сел, кварталов, наконец, отдельных семей. Ведь совершенно ясно, что этнические процессы — аккультурации, ассимиляции, сближения, дифференциации — идут также и даже прежде всего на уровне семей, причем далеко не обязательно только смешанных. Конечно, антропонимы и этнонимы — вещи разные, но имена родов, патронимий и даже отчасти таких семейных коллективов, как японский «*наэ*», стоят на грани антропонимии и этнонимии (одни больше, другие меньше).

Есть бесспорные, хотя и минимальные различия в речи москвича и ленинградца. Есть между ними столь же минимальные, но тем не менее явные культурно-поведенческие различия. Даже когда они полностью стираются, эти ячейки продолжают существовать как составляющие большой этнической ткани нации, в данном случае русских, наряду с имеющими тенденцию к ассимиляции пережиточными этнографическими группами типа русскоустьинцев или поморов. Наряду с этносами — русскими, болгарями, имеются суперэтнические целостности, как славяне, кельты, субэтнические целостности, как поморы, казаки, и квазиэтнические целостности, этносоциальные или этнополитические организации, как бельгийцы, индийцы, югославы, швейцарцы¹. Представляется, что здесь удачнее термин «квазиэтнические», нежели «псевдоэтнические» («псевдоэтнонимы»), которые предлагает М. А. Членов. Впрочем, для многих выделяемых им типов общностей, кроме социально-политических, термин «псевдоэтнонимы» подходит: *варвары, кза* и пр. это именно псевдоэтнонимы, точно так же, как и древнекитайские *жун, ди, мань*, что так убедительно показывает в своей статье М. В. Крюков. Разница

¹ С другой стороны, никогда не существовало и не могло существовать этнонима *австро-венгерцы*, никаким общим этнонимом не обозначалось все население таких искусственных политических образований, как Римская или Британская империи.

здесь та, что, скажем, *жуи* или *альфуры* не самоназвание, а *патасива* — самоназвание, и оно отражает определенное самосознание точно так же, как *белльгийцы*.

Со статьей М. В. Крюкова перекликается статья Я. В. Чеснова, показывающая возникновение собственно этнонимов из псевдоэтнонимов, отражающих хозяйственно-культурно-типологическую специфику населения: *пласкала* «люди хлеба», *брао* «люди леса». Но автор ошибается, как кажется, когда пишет (стр. 49), что оленные звенки создают этноним *орочен* «оленные люди», а конные *мурчен* «конные люди». Скорее прав В. А. Туголуков, посвятивший специальную статью тунгусской этнонимии: как раз наоборот, термин *мурчен* возник в среде оленеводов, а *орочены* в среде скотоводов (стр. 212). Вообще тунгусам в сборнике не повезло: В. А. Никонов с уверенностью пишет, что этот этноним дан хантами и значит «дальние» (стр. 23), В. А. Туголуков же приводит множество одинаково спорных этимологий, но об этой не упоминает.

В общей проблеме закономерностей образования этических названий вопросы генезиса самоназваний занимают, естественно, одно из самых важных мест. Общеизвестна частота ситуации, в которой первобытное самоназвание совпадает с нарицательным словом человек. В. А. Никонов в своей статье справедливо указывает, что такое совпадение может быть только в случае самоназвания: «никто не назвал бы людьми индоевропейцев в противоположность своим соплеменникам» (стр. 16). Но в таком случае, очевидно, ошибочно мнение, высказываемое в статье В. К. Кельмакова (стр. 189—193), что название удмуртов *ар* восходит к тюркскому корню *ар* «человек».

В. Я. Никонов приводит замечание С. А. Токарева, что при общем направлении развития сознания от конкретного к абстрактному, скорее не самоназвание возникало из корня «человек», а наоборот самоназвание племени приобретало затем это абстрактное значение. Подробно этот вопрос разобран в статье В. З. Панфилова о самоназвании нивхов (стр. 119—126). Автор возводит это самоназвание (*ни'э'ен'ни'ив'и'*) к словосочетанию *ни'руен'* («мои сородичи»), откуда затем и в самом деле могло произойти и общее понятие «человек». Здесь следует только отметить, что и образованию нивхского этноса, и слов нивхского языка предшествовали десятки тысячелетий существования человека современного вида и его этнических общностей. Надо полагать, что все это время люди не могли обходиться без общего понятия «человек». Вероятно, что новые самоназвания и новые слова со смыслом «человек» неоднократно образовывались в ходе этногене-

тических процессов, в ходе дробления, слияния и образования новых этносов и языков. При этом, когда новое слово (этноним, самоназвание) начинает обнимать и такие широкие понятия, как «человек вообще», появляется необходимость в выделении именно самоназвания по модели «настоящие люди» — *неняй* *неняй* у ненцев, *лыг'ораветлян* у чукчей и т. д. В этой связи уместно вспомнить, что чукчи не просто называли коряков *танн'ыт* «чужаки»: когда возникла необходимость выделить коряков среди прочих чужаков, их называли *лыг'итанн'ыт* «подлинные чужаки» как наиболее непосредственно соселящие «чужие» племя.

Статья Г. Г. Сратановича «Проблема скользящих этнонимов» по существу понимает ряд разных проблем. Собственно скользящие проследжено главным образом на примере этнонима *нунг* в Юго-Восточной Азии, причем последний этап смещения (в Южный Вьетнам) все же являет собой пример не скользящего, а скачкообразной миграции. Этноним *таман* также кажется скорее «скачущим», нежели «скользящим». Другие примеры касаются другой проблемы: возникновения этнонимов от топонимов, перенесенных при основании городов, колоний или царств. Так, название *одеситы* в конечном счете связано с греческой колонией на месте нынешней Варны, *новозеландцы* — с датским островом Зеландия. Г. Г. Сратанович приводит примеры Айютия-Аююкья, не давший этнонима, Чампа в Индокитае — Чампа в долине Ганга (этноним *чам*), Камболжа в Индокитае — Камболжи гандхарские. Здесь следовало бы упомянуть еще такие примеры, как *висайи*, *калинга*, *тадаин*.

Большинство указанных статей, на которые падает основной удельный вес поставленных в сборнике теоретических проблем, намеренно или случайно, попали в его начало. К сожалению, статья М. А. Членова оказалась седьмой, после двух очень интересных, но частных статей о Коре. Вообще же системы в размещении статей в сборнике незаметно. Между тем ее можно было бы легко, ввести. В предисловии редактор сожалеет о неполноте охвата сборника — что не затронуты Америка, Австралия, Океания, Африка. На взгляд же рецензента, это как раз положительная сторона. Сейчас в сборнике несколько чужеродными выглядят статьи Г. И. Анохина о фарернах и М. М. Маковского об этнонимии Англии. В статье М. М. Маковского делается попытка пересмотреть традиционную концепцию об этногенезе английской нации, и на основе ряда исторических, археологических, лингвистических и документальных данных выдвигается гипотеза о том, что кроме англо-и саксов, в завоевании древней Британии принимали участие южнотерманские (германские) племена. В статье Г. И. Ано-

хина прослеживается происхождение этнонима *фареры*. Автор приводит богатый фактический материал, почерпнутый как из лингвистических работ, так и из малоизвестных археологических и этнографических источников. Основная часть сборника вполне могла бы быть названа «Этнонимия Северной и Восточной Евразии». Ее тематика: Индия (преимущественно восточные ее связи) и Юго-Восточная Азия; Китай, Корея, монгольские народы; народы Сибири — нивхи, тунгусы, тувинцы, буряты; финно-угорские народы — удмурты, чудь и связанные с ними народы; тюркские народы.

Жаль, что в статье Е. В. Ухмылиной о прозвищах в Горьковской области не прослежены тюркские и финно-угорские связи местной этнонимии, тогда и эта статья уложилась бы в общий круг проблематики.

Все статьи сборника и с историко-этнографической и с лингвистической точки зрения находятся вполне на уровне современной науки, и некоторые указанные мной очень частные недостатки и неувязки никак не могут принизить его в целом бесспорно очень высокой теоретической и познавательной ценности.

С. А. Арутюнов